

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Красноармеец

*№ 4
1919*

ЛИТЕРАТУРНО-ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ОТДЕЛ
Политического Управления Реввоен. Совета Республики.

Ко всем рабочим, крестьянам, красноармейцам и матросам.

Товарищи!

Соединенное заседание Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, Московского Совета, Всероссийского Совета Профессиональных Союзов и фабрично-заводских комитетов обращается к вам в текущий тяжелый момент.

Революция, которую начали рабочие и крестьяне России, стоит сейчас на перевале. Советская республика подвергается небывалому натиску. Мировой капитал напрягает свои последние силы, чтобы уморить голодом рабочих, разорить народную промышленность, разбить крестьянство, задуть рабоче-крестьянскую власть. В неизбывных муках и страданиях трудящиеся классы России защищают свою жизнь. С героическим упорством отражает Красная армия нападение капиталистических стервятников, которые со всех сторон бешеной атакой идут на пролетарскую республику.

Казачьи громады, которые идут к нам с пиками и плетью, жгут наш хлеб, толчут поля, вырезают лучших рабочих. За ними иностранные танки, с ними офицерство и генералы, у них горы золота. Ибо за их спиной — капитал всего мира.

В последнюю отчаянную борьбу вступили они с нами. Все пушено в ход: оружие, деньги, заговоры, предательство, измена. На железных дорогах, в армии, среди служащих, всюду и везде агенты версальских бандитов стремятся посеять недовольство, поднимать белогвардейские бунты, провоцировать выступления. Ибо они знают: это их последняя карта.

Эта карта будет бита.

„Верховное правительство“ Колчака, его армия почти разгромлена красными войсками и оставшими в тылу рабочими. Заговор в Петербурге раскрыт и главари его расстреляны. Деникин еще наступает и, быть может, возьмет у нас еще не один город. Но у рабочих и крестьян есть силы, чтобы разгромить и этого, самого опасного врага.

Красная армия разбила Колчака. Она разобьет Деникина. Матросы и рабочие Петербурга открыли и разоружили белогвардейцев. Рабочие и крестьяне разоружают всю контр-революцию.

Заседание призывает всех рабочих и крестьян к напряжению своих сил, к отпору врагу, к величайшей бдительности.

В дни, когда красное знамя начинает развиваться по всему миру, не может умереть великая революция русских рабочих.

С твердой уверенностью в нашей мировой победе Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет вместе с рабочими организациями призывает всех трудящихся на борьбу для решительной победы, — борьбу за хлеб, за уголь, за мир, за свободу, за мировую революцию, за коммунизм.

Да здравствует мобилизация наших сил!

Да здравствуют героические борцы Петербурга!

Да здравствует беспощадная борьба и окончательная победа над Колчаком, Деникиным и всеми ставленниками контр-революции!

**Колчак отступает = добей Колчака.
Деникин наступает = разбей Деникина.**

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

„КРАСНОАРМЕЕЦ“

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ.

№ 4.

Июль 1919 г.

№ 4.

Кровавые лужи—
В впадинах улиц,
В морщинах полей...
Крылатый ужас
Сегодня пули
Сеют в зрячей мгле...

Святые убищы—
Красноармейцы—
В пасти грома...
Но скоро и Ницца,
И Вена, и Лейпциг
Придут на помощь.

Зверья морда
Врага-капитала
Оскалила зубы...
Но смело и гордо,
В рассветные дали
Трубят трубы.

Последняя битва,
Последние стоны
В траурной мгле...
Призывы, молитвы,
Штыки и патроны
Поют на земле.

В. Александровский.

Дезертир.

Рассказ С. Борисова.

I.

Среди красноармейцев царило возбуждение. Ждали приказа выступить в бой. Не хотелось покидать деревню. За

две недели успели привыкнуть к крестьянам, а главное—девушки, задорные, веселые... Но занятия, ежедневная маршировка надоели до смерти.

Вчера выступил первый батальон. И, видно, не особенно повезло. Наступление повели сторяча, прошли много, но белогвардейцы дали здоровый отпор. Так с наступлением и застряли.

В шестой роте, где служили Акимов и Огородник, больше всех суежились маршевики. Прибыли всего с неделю, все ребята фабричные, и когда вместо боя послали на занятия, были здорово обескуражены.

— Занятия нам в зубах навязали и в тылу,— завывали они.

— Ничего, ничего,—смеялся ротный,—помурзят вас здесь, так злее на белых броситесь...

Бой на носу. Суете и нетерпеливости маршевников не было конца. С утра напалили на

себя все снаряжение, по два, по три раза чистили винтовки, даже детыми пообедали...

Прошел слух: наступление „отставлено“.

Маршевики загалдели.

— Как так?

— Драться—так драться, а саботажничать нечего.

— Надеретесь еще,—смеялись „старика“,—ужо вот белые вам форс сшибут...

— Раньше то мы их боялись!

Пришли заводные.

— Готовь, товарищи,—стемнеет и айда!

В роте пошел дым коромыслом. Вытаскивали из избы рогатое „имуущество“, орал каптенармус, раздавая сахар.

Быстро справились и одетые сидели на нарах и цели разудалую песню. Молодежь нырнула за дверь—разбежались по деревне попрощаться и, быть может, в последний раз обнять Машевку или Сашевку...

Акимов и Огородник сидели рядом и разговаривали о своей деревне.

— Дома то теперь хорошо,—говорит Огородник.

— Чего хорошего?—удивляется Акимов.

— Лежи себе на боку...

— Много не належишь.

— Как много... все-таки.

Акимов ничего не ответил.

— А все-таки, Акимов, домой бы не худо махнуть.

— Мало ли...

— Махнул бы?

— Отпуск дадут—чего не махнуть.

— Жди его, твой отпуск.

Акимов испытующе посмотрел на него и сказал.

— Смотри! Брось...

II.

Багряный закат зимнего вечера догорал. В мутной синеве неба едва мигали звезды, а белый рог недвижно висел в морозной выси. За деревянной тянулось гладкое снежное поле, замкнутое стеною черного леса.

Тихо в деревне. Изредка проскрипят по снегу торопливые шаги пешехода. Окна в избах горят огнями, напоминают о тепле, уюте. Приснится что-нибудь корове, промычит со сна и снова тихо. Все застыло. Только серый дым из труб клубится над крышами.

Из-за церковной ограды в снежную даль поля ползет темная лавина. Скрипит снег, гулко разносятся в морозной тишине отдель-

К рассказу "Дезертир".

ные голоса, смех и стук винтовки о котелок. Батальон выступил на позицию.

Шли тихо. Под снежком ледок, а нога скользит. Тяжесть винтовки и аммуниции с каждым шагом все больше...

Налетит ветер белым взмахом и обожжет лицо мелким, колючим снегом... Затянули песнь. Звонко раскатился, подхватил ее ветер и покатила по полю. Скользко, тяжело идти. Обжигает морозом горло.

Огородник шел и ругался.

Акимов не вытерпел.

— Что ты все скулишь, как теща!

— Тащись в эту ночь на морозе.

— Ничего не попишешь, надо.

— И вовсе не надо!

— Ты что то стал... Все идут, а ты... Акимов не договорил и запал быстрее.

Деревня позади. Пропала из виду. Колокольня серым клином врезалась в синеве, выходящее небо.

У заброшенной кузницы на дороге батальон сделал привал.

Натаскали колес, досок, и яркие костры расцветили ночь опенками пятнами.

Далеко вспыхнула зарница и прокатился глухой гул.

— Начивают!

Насторожились.

Сквозь темное морозное молчание едва доносилась мелкая дробь залпов и татаканье пулеметов. Зарницы чаще и ярче. Далеко гудели сваряды.

— Становись! Стройся!

Батальон темной шумной лавой поплыл на восток.

Позади догорали огни костров.

Огородник шел и оглядывался. Чем дальше, тем меньше огни Яркие, горящие точки манили.

— Торопятся. Не на свадьбу...

— Весело будет!—бросил красноармеец.

— Что? Ага? Струхнули малость?—гудит над маршевыми.

— Не задугае—не маленькие.

Выстрелы становились чаще.

III.

У опушки леса батальон разошелся по-ротно. Шестая рота осталась в резерве, в доме лесничего.

Вслед за зимнее утро, казалось, тщетно пыталось рассеять ночную мглу.

В просторном доме лесничего грязно и холодно. Дул в разбитые окна ветер и наметал снег.

Пошла возня с котелками и огнем. Бегали, носились как угорелые, ломали доски, тащили воду.

Заклубились в морозном воздухе бледным дымом костры.

С позиции подошли раненые. Расселись у огня и заговорили. Высокому, беловолосому парню прострелили левую руку и он все не мог налюбоваться на повязку.

— Экую куклу мне из руки соорудили.

— А ты не тревожь.

— Нехай...

— За руку то им выпал?

— За руку, говорю... Даже зудит. Хвершал на живое мясо еду.

— Известно—бл и касторка.

Раненый хохол сидел на корточках и покачивался.

— Увои повтикали, сто чертв их батьке...

Тим часом нич тамна. Шо? Мене.

— Ничего хохол—чай скинел.

Короткий зимний день догорел в палевых красках заката.

IV.

Ночь тревожная. Спали одетыми. У огарка свечи собрались маршевики. Изредка перекидывались словами и слушали как сквозь завывание ветра хлопали орудия и трещали ружья.

— Чего не спите?—спросил дежурный.

— Газету читаем, рассуждаем. Хитрые эти Вильсоны—шалишь, не возьмут нас живьем.

— Сволочи!—веско заявил дежурный.
— Ничего, не уйти и ему, будет...
Огородник не спал. Ночью, если рота по-
дет в бой, он убежит... Решил!—Почему?
Чуждо кругом. Не нравилось. Разве это
воля?—работай... Хотелось богатой, разгуль-
ной жизни. По ночам долго думал как раз-
богаться, жить разгульно, весело не работая.
А тут—труд, борьба и борьба. К тому же—
трусость.

Огородник вздрогнул.
Подошел Акимов.
— Не спишь?
— Скоро на убой,—буркнул огородник.
— Что у тебя за сердце?—удивился Аки-
мов.

— Зачем—сидел бы дома...
— Дома? Эх, ду-
ша человек! Дома.
Да ты пойми: вре-
мя то какое! Пом-
нишь кем мы были?
А теперь? Неужто
не видишь?
За окном застуча-
ли копыта.

Прискакал орди-
нарец.

— Вставай! Вста-
вай!—закричал де-
журный.

Рота выступила.

У.

Цепь быстро пе-
ребегала поле. Звон-
ко пели дули. Выли
снаряды, рвались с
грохотом, оставляя
на снежной глади
поля пятна воро-
нок... Переливались
и бегали по полю
огни выстрелов.

Туда, к этим ог-
ням, шла цепь.

...Одиноко и си-
ротливо лежали две
черные тени на сне-
гу. Ветерок играл
снегом и покрывал
их белым покровом.

Огородник оглянулся и вздрогнул.

— Кого это?

За кустом кустом присел.

Цепь ушла далеко. Ожило поле криками
громкими.

— Атака!

Как кинутом подхлესнули крики Огород-
ника... Бросив винтовку в куст, побежал
назад, назад от этих криков...

Дыхание спирало в груди. С лица катился
пот. Жарко, тяжело бежать.

Не слышно криков. Только выстрелы пугали
снежную тишину.

— Так то, Мишуха! Ловко. На побывку...

VI.

Дома!

Но почему нет той радости, покоя. Он ушел
в тот миг, когда в душу запало: бежать.

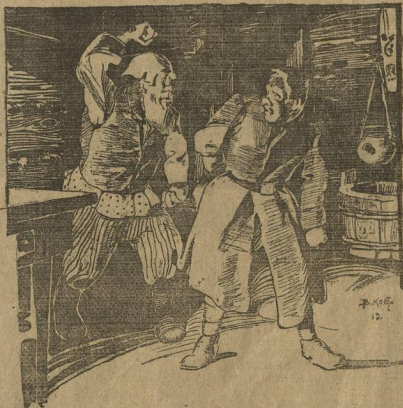
Едва брезжил рассвет, еще горели в окнах
огни, когда Огородник усталый дошел от
станции до деревни.

В его лабе огни не светились.

— Спят еще.

...Мать хлопотала у самовара. Сестренка,
выставив с печи голову, подперла тонкой
ручной подбородок и смотрела на брата.
У печки, в льюшке, раскинув ножки, сладко
спал годовалый братишка.

Отец Огородника, кашляя от папироски,
сидел против сына и хлопал его по колену.

К рассказу „Лезет р“.

— Я тебе третевась говорила—жди гостя.—
подшла мать.—Машка все время умывалась...
Может за это время замрится война, Ми-
шанька...

— Тонься, как это замрится?—переспросила
отец.—какой там мир? Тут—до конца луны,
верно Мишуха?

— Верно,—вило согласился сын.

— Луны, луны,—передразнила мать,—не-
бось, не на печи—тижало там...

— Много ты понимаешь...

— Умник выискался—не жалко тебе дитя
кровное, рожал бы, да нянчился...

— А ну тебя! Так то Мишуха! Ральше и

я на большевиков орал, а теперь понятия дали. Омман кругом был. Путали так... Возьми, например, поповское сословие, найдут мошcov—омман форменный. Молись, молись, сколько пятаков сыпали, а оказалось—требуха всякая вместо мошcov.

Мать подала самовар.

Уют и тепло родной избы, ласка прогнали запавшую тоску и страх грызшей душу, как кость собака.

Легко, хорошо стало.

До вечера перебивала вся деревня посмотреть на гости. С приходом старика Акимова ушедшая тоска и страх снова вонзали в душу свои холодные когти.

Шли дни.

Не было в душе покоя—росла и ширялась тоска.

— Что же дальше?

VII.

В воскресенье вечером собрались соседи.

— Время-то какое-а? Жили-жили, а тут накось—все тебе только действуй,—рас-

— Мишка-то твой, нашколил. От сына мово письмо пришло—твое Мишку в дезентирах объявили, убьт он с боя.

Огородник растерялся и долго не мог вымолвить слово.

— Врешь! Господи, что же это? Сраму-то, сраму-то. Не верь!

— Зачем не верить? Мой зря не напишет.

Огородник рассвирепел.

— Убью сукина сына! Задуну подлеца! А я то, дурень, гордился им... Убью, где он...

— Брось, не горячись. Отведи в Совет, там разберут.

— И отведу. А чтобы ему бока не намять—ни в жисть.

В избу вернулся Огородник грустный. Сел и угрюмо молчал. Гости понеодумевали и разошлись.

Жена и дети спали, а отец сидел, тупо уставившись глазами в угол и ждал сына.

Часы с хрипом пробили одиннадцать. За окном стукнула калитка.

Вошел сын.

Отец подошел к нему вплотную и поднял кулак.

К рассказу „Дезертир“.

суждал отец Огородника,—возьми теширича, нас, хрестьян. Что мы такоюча были?

— Цыплят по осени считают,—перебил сосед.

— По осени? Ладно. Рази мы виноваты, то буржуй преть? Ему фабрику, именье это самое подай. Шаиншь... Ась?

Соседи сочувственно молчали.

— Вот бабы скулят—война, война... Да неужто правда большевики ума рехнулись? Сласть им какая в этой войне. Тутотко не тово. Без войны капут выходит. Вот у меня Мишуха служит, а кабы не мелюзга эта,—указывая на детей,—сам пошел бы.

— Сиди, ерой,—сердито вставила жена.

— Не бабьего ума дело. Подойдет жара и пойдю. Пойду.

Скрипнула дверь. Вошел старик Акимов и поманил Огородника пальцем. Когда вышли в сени, Акимов наклонился и прошептал:

— Па-ад-лец! Бегун!

Но когда увидел побледневшее лицо сына и моргающие от страха ресницы, опустил руку и плюнул ему в лицо.

— Па-ад-лец! Завтра я с тобой...

Беглец долго не спал, прислушивался к ровному дыханию спящих. Уснул и отец...

Тихо подыался и вышел из избы.

Ветер кружил снежинки, завывал в серой тонушей во мраке ночи дали.

VIII.

На другой день, когда солнце ослепительно заливало снежное поле, проезжие мужики наткнулись в веретах десяти от деревни на запырошенный снегом закованный труп в солдатской шинели.

Победив врага, победишь голод.

Наши силы и силы наших врагов.

Враги Советской России, русские и заграничные буржуи знают хорошо, что не удастся им разбить ее в открытом бою, что не под силу будет их белым войскам справиться с Красной Армией.

Растет эта армия не по дням, а по часам; не слабеет, а только закаляется она на фронте от вражеских ударов. А с тыла подкрепляют ее дружно многомиллионные рабоче-крестьянские резервы. Полки же белогвардейцев все тают и тают. Слабеет боевая сила белой гвардии; разлагается войско наших врагов. Почему так? Потому, что нет резервов в тылу у белой гвардии, потому что не ее там резервы, а наши.

Наш союзник.

Все чаще и чаще вспыхивают по ту сторону фронта восстания и забастовки, все грознее и грознее становится ропот рабочих масс против своих правителей, затеявших разбойничий поход на Советскую Россию.

По ту сторону фронта уже действует наш могучий союзник—мировой пролетариат.

Союзник наших врагов.

Но и у наших врагов по ту сторону фронта есть союзник. И он тоже действует. Это—голод. На нем-то теперь и строят враги наши весь свой расчет.

Они думают так: „Не ваять нам Советской России силком, так возьмем ее измором. Голод—наш союзник выручит нас: лучше всяких виселиц опустошит он города и деревни Советской России, лучше всяких пуль выкосит он ряды Красной Армии“.

И пока мировой пролетариат не собрался еще с силами, чтобы их раздавить, стараются они не давать времени нам и дают, дают нас тисками голода.

Торопятся они: мало у них времени осталось. Из последних сил выбиваются цивилизованные, просвещенные, культурные палачи—разные мистеры, мусью, сэры и синьоры, а не отнимают своих пухлых белых рук от рабоче-крестьянской шеи.

Истля голода.

Захватив Сибирь, отняли они у рабочих и крестьян России хлеб, мясо, масло; захватив Урал и Дон, отняли уголь и железо, захватив Баку, отняли нефть, захватив Мурман и Архангельск, отняли рыбу. На Туркестан напали они, чтобы отнять у нас хлопок, и на Питер идут походом, чтобы отнять машины, железные изделия, мануфактуру, бумагу и многое другое.

И смотрите, что получается: нет хлеба, и рабочие бегут с фабрик, значит нет и машин и железных изделий, без машин и железных изделий не достанешь ни земли угля, не срубить даже дерева на топливо; без топлива не перевезешь ни машин, ни железных изделий, ни мануфактуры, ни дров, ни угля, ни хлеба.

И получается бесконечный круг,—настоящая петля голода.

Жгут хлеб.

Все надежды свои наши враги теперь возлагают на голод. Наступая на нас, занимая местности, покинутые нами, они уже не надеются долго удержать их за собой. И поэтому в таких местностях они запрещают крестьянам запахивать и обсеменять поля, отбирают у них лошадей и телеги. А при отступлении они жгут хлеб. Они жгут наш хлеб—помните об этом, гг. красноармейцы! Также поступают они и с железом и с углем. Они разрушают фабрики, затопляют шахты, портят и увозят машины. Они оставляют нищим и голодным население. Пусть забьются о нем, пусть кормят его нищая, голодная, ограбленная Россия.

Затягивают петлю.

Наша деревня очень темная, да и в городах еще темнота не повывелась. Темные люди не разбираются в том, отчего их душит голод. Они чувствуют петлю на шее, но не видят руки палача. Белогвардейские генералы далеко, а Советская власть близко; значит, и виновата во всем Советская власть. Так рассуждают темные люди, и этим пользуются

враги трудящихся—белогвардейцы. Там, на фронте, они зверски мучают и расстреливают рабочих и крестьян, а здесь, в тылу, они прикидываются их лучшими друзьями и напештывают им на убо:

— Свергните Советскую власть и позовите править страной белых генералов, а лучше всего царя себе нового поставьте. Тогда все будет хорошо: царь вас накормит, и потекут молочные реки в кисельных берегах.

Потекут—это верно, только не реки молока, а реки рабоче-крестьянской крови. Царь накормит нас пулями и виселицами. Так работают высоко-культурные душители, затягивая петлю вокруг нашей шеи.

Как нам ее разорвать.

Как же нам разорвать ее?

Только нашими штыками, только силою лавшей Красной Армии.

Красная Армия, освободив хлебородную Украину, уже спасла Советскую Россию от голодной смерти. Теперь наступая на Колчака, она завоевывает для нас приволжский и прикамский хлеб. Вот что сообщают газеты:

„Главные станции железной дороги, что идет из Самары через Уфу в Златоуст, уже разгружены. Ежедневно отправляется голодающим рабочим и крестьянам в центр 15—20 вагонов хлеба“.

Кто кормит Советскую Россию.

Вот кто накормит Советскую Россию: не царь, не белые генералы, не буржуи, а Красная Армия.

Голодная петля уже разорвана в двух местах. Но нужно нам еще сделать много.

Нужно освободить Север, Урал, Сибирь. Дон, Кавказ и Туркестан, нужно отбить у врагов Бессарабию, Литву, Белоруссию, Латвию и Эстонию; нужно отстоять Красный Питер.

Нужно вернуть ограбленной России ее хлеб, ее железо, ее уголь, ее нефть, ее хлопок,— все ее продовольствие и все ее богатства.

И Красная Армия сделает это.

Мы победим

Красная Армия справится с белой гвардией и ее союзником—голодом.

В этом ей поможет ее союзник—мировой пролетариат.

В Париже, Лондоне, Риме и Берлине он уже выступает нам на поддержку. Пусть же наши победы придадут ему силы. На борьбу с голодом и белым врагом, за лучшую долю трудящихся во всем мире, вместе с пролетариатом всего мира на последний бой, к последней решительной победе,—

Вперед!

Н. Горька.

Пытка.

Последняя расстреляна обойма...
Винтовка выпала... от раи ослаб...

Как зверь затравленный, был схвачен, пойман

И ствен конвоєм в штаб.

И на допросе перед капитаном
Он не склонил покорно головы!

— Нас легион... И перед Красным Станом
Бессильны и ничтожны вы!...

Когда с полей в предутренней тревоге,
Клубясь, ночная уползала мгла,
Его свесли к оврагу при дороге,
Что за околицей села.

С туманным хохотом и гнусной шуткой
Распяли на-крест на родной земле!

Свистела долго, часто, часто, жутко
Над грудью обнаженной плеть.

И уходя, крадучись, с косого ра
Красноармейца сбросили в овраг...
Но улыбался он; немошему взору
Взметнуло утро алый флаг...

А на селе за летнюю поправу,
За срубленную барскую сосну,
На сходке, под кулацкою расправой
Вновь тощий пахарь спину гнул...

С. Обрадович

Два лета.

Враги Советской России, словно сговорившись, разом отовсюду повели наступление на Красные фронты.

От Архангельска по Северной Двине пытаются пробиться на юг вооруженные флотилии англичан и американцев; их же само-

леты бомбардируют наши позиции. От Перми до Оренбурга действуют армии Колчака. Дальше работает заодно с ним Дутов. В степях по реке Уралу действуют уральские казаки. На Юге, от Волги до Днепра, наступают, на нас казаки и офицерские полки Деникина.

На другом берегу Днепра орудут банды дезертиров и всякого сброда под предводительством Григорьева, Ангела и других. С помощью той разлуки, которую устроили они в тылу Красной армии на Южном фронте Деникин легко пробрался в Екатеринбург и Харьков.

Дальше, из Галиции снова вышел Петлюра, надеясь, что в мутной воде (ее замутили дезертиры) ему удастся поймать караса.

Пока это ему вовсе не удастся. Петлюра застрял на границе Подольи и пробиться дальше не может. Но все же он пытается, и поэтому и в Подольи у красных войск есть работа.

На Волыни и в Белоруссии пытаются наступать польские белогвардейцы.

Севернее наступают литовские белогвардейцы, немецкие, курляндские и латышские бароны.

На питерском фронте действуют эстляндские помещики совместно с финскими и русскими белогвардейцами под командой бывшего полковника Родзянко.

Всюду, со всех сторон, нас окружают враги. Сейчас, если оценить положение на всех перечисленных фронтах, то окажется:

На севере удачи у врагов нет, напротив, Красная армия вот-вот возьмет Архангельск. На востоке Колчак отступает в беспорядке на Урал, а кое-где уже и за Урал. На юге у врага удача. Он быстро прошел большое расстояние и распространялся в стороны. Сейчас его уже стали задерживать, а кое-где и погнали обратно. На западе враги ни с места. Под Питером их отбросили и теснят назад еще больше. Выше Питера нанесено неприятелю несколько поражений.

Значит, из всех фронтов дела Красной армии плохи только на южном.

Но как ни серьезно сейчас наше положение на юге, надо все же признать что дела наши вовсе не так плохи, как этого кое-кому хочется.

Сейчас лето 1919 года.

Ну, а что было год тому назад, летом 1918 года? Лучше или хуже?

Мы видим, что в прошлом году в это же время на севере противник захватил у нас земли гораздо больше, чем сейчас, и располагал хорошо вооруженной и свежей армией иностранных солдат. На востоке Колчак переманил уже Волгу, и вся она и лучшие ее города были в его руках. Силы его тоже были свежие, крепкие. На юге противник стоял под Воронежем. Вся Украина была во власти врага. На западе он занимал всю Белоруссию, всю Литву, все земли вплоть до Двины и также, как и сейчас, подошел близко к Питеру.

И на всех этих фронтах силы у него были свежие, петропунтые. У Советской России тогда еще не было ничего, кроме веры и мозолистых рабочих-крестьянских рук.

Самое же главное, у Советской России не было союзников. Все же враги ее имели за собой всякую помощь, даже солдатами, от Англии, Франции, Америки, Италии и т. д.

А теперь?

Теперь по сравнению с прошлым годом, враг отброшен на всех фронтах и держится в прежнем положении только на небольшом сравнительно, участке от Воронежа до Волги. Теперь силы врага всюду истощены, изломлены.

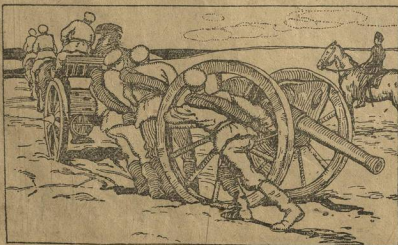
Теперь Советская Россия, несмотря на дезертиров, все же имеет еще большую армию, а в тылу—обученных военному делу рабочих и крестьян.

И теперь, наконец, самое главное, у нас союзники—все рабочие всего мира, и они громко заявляют об этом и заставили уже правительства союзников отозвать из России свои войска, а скоро заставят прекратить и посылку в Россию денег и оружия. Враги поэтому скоро останутся сами по себе...

Какое же лето лучше для Советской России и Красной армии?

Судите сами.

Баратов

Основная мысль и отдельные требования программы Коммунистической партии.

Отвлечемся от бесчисленных важнейших задач сегодняшнего дня, в роде борьбы с Колчаком, и спросим себя: какова главная, постоянная задача коммунистической партии? На этот вопрос программа партии отвечает: повышение производительных сил. И не только потому это является главной задачей, что хозяйство страны подорвано войной. Но и потому, что вся вообще жизнь людей в конце-концов определяется состоянием производительных сил.

Зная главную задачу, мы легко поймем и мысль всех остальных, частных, отдельных задач.

Обратимся к программе.

Пункт первый в ней говорит о доведении до конца экспроприации буржуазии. Это не значит, конечно, что нужно свести с каждого отдельного буржуа последнюю рубашку. Это значит лишь, что нужно отобрать от него фабрики, заводы и вообще все то, что дает ему возможность эксплуатировать рабочих. Пусть остается при своей рубашке, но пусть сам трудится, и не пьет кровь рабочего.

Необходимость отобрания у крупной буржуазии средств производства для повышения производительности труда не вызывает никаких споров и сомнений. Ведь средства производства в руках капиталиста служили не столько для производства продуктов, сколько для извлечения прибыли. И потому обычно бывало, что есть налицо и материал, и топливо, а фабрика не работает полным ходом и безработица уносит в могилу рабочую силу только потому, что хозяину выгоднее по-прежнему с производством товаров.

Ясен и пункт третий нашей экономической программы — необходимость объединять всю хозяйственную деятельность страны и вести ее по общему плану.

Менее ясен и гораздо более сложен вопрос о мелких промышленниках, о кустарях и о мелких сельских хозяевах (среднем крестьянстве).

Программа признает, что у нас еще вовсе не коммунистическое хозяйство, а что делаются лишь первые шаги к переходу от капитализма к коммунизму.

А тов. Ленин в своем докладе о программе указывал, что мы сняли только самую верхушку капитализма, — а за снятием этой верхушки получил большее поле деятельности капитализм более простой, менее развитой.

Да и снять верхушку еще не значит организовать хозяйство по новому. Организационной хозяйственной работы хватит еще на очень много лет.

Ничего не понимает в коммунизме тот, кто думает, будто задача коммунистов — обобрать тех, кто побогаче, и разделить между собою. Этот был бы не коммунизм, а самый обыкновенный, простой грабег. И проповедники раздела больше вредят коммунизму, чем самый лютый Колчак.

Введение коммунизма растянется у нас на многие годы, может быть на десятки лет, тем более, что по заявлению нашей же программы, в России „главной особенностью является численное преобладание мелкобуржуазных слоев населения“, т. е. в России мелких хозяев больше, чем рабочих-пролетариев.

Мелкие хозяева, как и сорок лет назад, будут заниматься производством продуктов на продажу, то-есть производством товаров. Это — зачаточный капитализм. А зачаточный капитализм обычно вырастает в полный, развитый капитализм. И выходит на первый шаг, будто нам предстоит возврат к старому хозяйственному, — следовательно, и к старому политическому, — строю.

Как избежать этого?

Может быть иные ответят: „не позволить“, „запретить“, „приказать“, чтоб не было „усилить чрезвычайные комиссии по борьбе с спекуляцией“, „наказывать построже“. И они очень удивятся, прочитавши программу, что в ней нигде, ни одного раза не употреблено этих грозных слов.

Нет, коммунистическая программа не запрещает мелкой промышленности, не предлагает строгостей по отношению к мелким хозяевам, а напротив, предлагает идти к ним на помощь, а прежде всего — не разорять их.

Вот почему в резолюции об отношении нашей партии к среднему крестьянству сказано, что „всякие произвольные реквизиции, то-есть не опирающиеся на точные указания законов центральной власти, должны беспощадно преследоваться“. Значит, вот где предстоит широкое поле деятельности чрезвычайным комиссиям, — не в борьбе против мелких хозяев, а в борьбе против тех прохвостов, примазавшихся к советской власти, которые незаконно отнимают имущество у крестьян и мелких промышленников или кустарей.

В полном согласии с этой резолюцией съезда партии и с нашей программой находится недавно изданный декрет о мерах содействия кустарной и мелкой промышленности. В декрете сказано, что местные власти не имеют права реквизировать или конфисковать

сделать, или иными способами брать в свое ведение предназначенные для кустарной и мелкой промышленности органами центральной власти или приобретенные кустарными иными законным способом запасы сырья, материалов, топлива и оборудования".

Но мало того, что мы боремся против разорения мелких хозяйств реквизициями и конфискациями. Программа партии, в целях поднятия производительных сил кустарной и мелкой промышленности и крестьянского хозяйства, требует и прямой помощи мелким хозяйствам.

Эта помощь должна выражаться в снабжении сырьем и топливом, в государственных заказах, в кредите (финансовой поддержке). Но, чтобы отдельные мелкие хозяйства не стали эксплуатировать более бедных соседей, вся эта помощь должна оказываться не отдельным лицам, а их объединениям (артелям, кооперативам). При этом условия и улучшенные машины и дорогое стоящее адания станут собственностью не отдельных лиц, а их общей собственностью.

Вот этой то помощью мелким хозяйствам, а не полицейскими преследованиями и запретами партия считает возможным и необходимым бороться против возникновения нового слоя буржуазных пшавков.

Подобная же политика помощи, а не запретов и разорений, предлагается программой партии и по отношению к мелкому и среднему крестьянству для поднятия производительных сил сельского хозяйства.

Программа партии признает, что мелкое крестьянское хозяйство долго еще будет существовать. Для помощи этому хозяйству программа предлагает:

- 1) Устранение чересполосицы и длинноземелья.
- 2) Снабжение крестьян семенами и удобрением.
- 3) Улучшение пород скота.
- 4) Распространение агрономических знаний.
- 5) Агрономическую помощь крестьянам.
- 6) Ремонт в советских мастерских орудий хозяйства.
- 7) Устройство опытных станций, показных полей и т. п.
- 8) Мелиорацию (широкое, дорогостоящее улучшение) крестьянских земель (как осушение болот, устройство запруд, облесение, укрепление сыпучих песков и так далее).

Той же целью поднятия производительных сил вызваны и другие меры, предлагаемые программой: во-первых, нужно было спасти инвентарь хороших, больших хозяйств (бывших помещичьих), — поэтому предлагается

устройство советских хозяйств в тех бывших хозяйствах, в которых еще осталась свободная земля.

Во-вторых, для поднятия производительных сил желательно объединение слабосильных хозяйств в артели, коммуны, товарищества. Далее, программа предлагает государственный засев всех незаезженных чьих бы то ни было земель.

Но программа не допускает никакого насильственного объединения мелких хозяйств в коммуны. Кроме программы, об этом говорится и в особой резолюции партийного съезда „об отношении к среднему крестьянству“. В пункте четвертом резолюция сказано:

„Поощряя товарищества всякого рода, а равно сельскохозяйственные коммуны средних крестьян, представители Советской Власти не должны допускать ни малейшего принуждения при создании таковых. Лишь те объединения ценны, которые проведены самими крестьянами по их свободному почину, и выгоды коих проверены ими на практике. Те представители Советской власти, которые позволяют себе употребить не только прямое, но хотя бы и косвенное принуждение в целях присоединения крестьян к коммунам, должны подвергаться строжайшей ответственности и отстранению от работы в деревне“.

„Если мы восстанем против насилия над мелкими хозяйствами и над крестьянам, так и в этом одна из причин та, что насильственное объединение не повысит, а понизит производительные силы, так как насильственно объединенные хозяйства даже с хорошими машинами сделают меньше и хуже, чем оставаясь при своем маленьком хозяйстве.“

Таким образом, какой бы мы ни взяли пункт нашей экономической программы, мы везде найдем, что частное требование ее согласовано с общей задачей повышения производительных сил.

В экономической части программы это особенно легко заметить. Но и во всех других частях ее в основе лежит та же мысль. Повяты это, связать все отдельные части, все частные требования с основной мыслью — в этом одна из главных задач партийной пропаганды. Потому что только научившись связывать частное с общим, человек не запутается в сложных и разнообразных задачах, которые ставит перед ним жизнь каждый раз в новой обстановке.

Программа партии, принятая в марге, начата.

Обязанность каждого коммуниста — иметь ее всегда у себя под рукой, постоянно перерывать ее, находить в ней справки и разъяснять товарищам ее содержание.

М. Ольгинский.

Что делается в тылу у Колчака.

Колчак бежит под натиском нашей Красной армии, продвигающейся к отрогам Урала. Еще удар и мы будем по ту сторону Урала. Колчак отступает вглубь Сибири.

Но и там, куда он отступает, его ждет мало хорошего. Там пылает пожар крестьянских и рабочих восстаний, которые все растут и растут.

Сибирские рабочие и крестьяне уже давно раскусили Колчака. Они увидели кто его окружает и чью линию он гнет. Черные воронье-бывших помещиков, попов и фабрикантов, слетевшиеся в Сибирь, сразу откровенно заявили о своем желании задушить все, что рождено революцией. Тяжелые поборы с населения, возвращение к жизни старых царских тюрем-

нападали на отдельные города, забирали их, а когда их оттуда вытесняли, они уходили в таежные дебри и, отсидевшись там, вновь начинали свои действия в другом месте.

Так прошла суровая сибирская зима. Несмотря на все свои усилия, несмотря на помощь иностранных штыков, Колчаку не удалось справиться с красными сибирскими партизанами. Наоборот, партизанские отряды за это время выросли численно, окрепли и обзавелись не только винтовками и патронами но и пулеметами.

С наступлением весны сибирские партизаны начали настоящую войну, оперируя в глубоком тылу Колчака. Они взрывали железно-

щиков, жандармов и полицейских, казацкая нагайка вновь загулявшая по крестьянским сивам, все это показало—кто такой Колчак.

А когда он окончательно обнаглел, стал направо и налево раздавать обязательства об уплате всех царских долгов Николаю Кроваво, когда он отдал японцам и американцам Сибирскую железную дорогу—сибирским рабочим и крестьянам стало ясно, что Колчак несет трудящимся новую царскую кабалу на долгие годы.

И вот Сибирь загорелась огнем восстаний. Крестьяне отказывались платить требуемые Колчаком подати, отказывались давать солдат. Восстания перебрасывались из одной губернии в другую, по всей Сибири, начиная от Урала до берегов Тихого океана. Повстанцы формировались в партизанские отряды, которые

рожные мосты, захватывали станции и перерывали жел.-дорожное сообщение. С грехом пополам, при помощи иностранных штыков, Колчаку еще удается пока держать в своих руках линию Сибирской жел. дороги, но силы красных партизанов растут. Они увеличиваются переходящими на сторону партизан колчаковскими солдатами, из насильственно мобилизованных, которые не желают сражаться со своими братьями—большевиками.

Дни Колчака сочтены.

Колчак чувствует непрочность своего положения и сейчас уже спешит заблаговременно эвакуировать свои учреждения на Дальний Восток, где надеется под крылышком Японии найти защиту и продлить дни своего существования.

Вл. Сибиряков.

Казнь коммуниста Грачева.*)

Казашкою бандой, в станице Хоперской,
Внезапно захвачен был местный Ревком,
И пять коммунистов пред шайкой зверской
Предстали — и смех раздавался кругом...

То в пьяном разгуле, в кровавом угаре,
Казашкая банда свершила свой пир,
Тут были купцы, офицеры и баре,
Тут были попы, кем обманут весь мир...

Сверкали хоругви, знамена, иконы,
Сияла в логонах „российская знать“,
И казнь началась и слышались стоны,
И стали, расстрела товарищи ждять.

И в ризе с крестом поп из круга к ним вышел.
„Покайтесь“ — сказал он и глянул как зверь, —
„Молитесь, чтоб Бог вас на небе услышал,
Откройте всю душу пред нами теперь!“

Взглянув на попа, к нему вышел навстречу
В шинели рабочий — был бледен он, худ:
„Да, ты не ошибся!.. Тебе я отвечу!
За волю, за братство не страшен мне суд!“

Я — старый рабочий, я в шахте глубокой
Работал и мокнул... Там в тяжком труде
Я отдал все силы мечте одинокой
О воле, о братстве, копясь в руде...

Бесправье, болезни мне жизнь подарила —
Я чихнул, я спелнул... Но дрогнула тьма —
Пришла ко мне воля, меня озарила,
И радостный свет мне зажгла для ума!..

И если бы мне вы здесь дали свободу,
Но чтоб я забыл убежденья свои, —
Я дар бы отверг... Трудовому народу —
Все грезы, все думы, все силы мои!

На сердце твоём — золотая иконка
Как враг ты все понял, я вижу твой взгляд...
Но дети мои их четыре Граченка —
Они подрастут и за это отомстят!..

Ты думал — пред казнью я дрогну от страха,
Товарищей выдам, начну умолять...“
Но тут его белый ударил с размахом
И крикнул солдатам: „Их всех расстрелять!“

Сергей Заревой.

Герои и мученики.

Отец и сын.

Тов. Коквихин.

В бою у дер. А. погиб
с революционной песнью
на устах мальчик герой
Мелентий Николаевич
Коквихин. Геройски погиб-
шему добровольцу было
всего 16 лет. Он вступил
в ряды Красной армии
вместе со своим отцом, ко-
торый еще в Златоусте
дропал без вести, по всей
вероятности, был убит.
Полк, в котором сии сл-
жили, никогда не забудет
этих самоотверженных
борцов.

Кр.—ец Шатун.

Тов. Толмачев.

На Лужском боевом уч-
стке, под деревней Крас-
ные Горы, пал смертью
героя обоюдополномочен-
ный политического отде-
ла N армии бывший заведующий агитацион-
но-просветительным отделом петроградского

окружного комиссариата
по военным делам, тов.
Толмачев.

Сразу, после своего
прибытия, тов. Толмачев
повел усиленную работу
среди красноармейцев к
поднятию их боеспособно-
сти и организации оборо-
ны Лужского участка.

Когда одному из баталь-
онов N-ского полка было
поручено задание отстоять
деревню Красные Горы,
представляющую важный
пункт, то тов. Толмачев
отправился с этим батальо-
ном, чтобы личным приме-
ром воодушевить красно-
армейцев.

Когда батальон находи-
лся в деревне Красные
Горы, белогвардейцы, зай-
дя в тыл, повели внезапно
наступление со всех сто-
рон на занятую нашими
красноармейцами дере-
вню. Батальон долго дер-
жался, но в конце концов
был расколот на части и
одна из рот, где находился тов. Толмачев,
была прижата к озеру.

* См. журнал „Красноармеец“.

Тов. Толмачев с некоторыми красноармейцами мужественно сопротивлялся. Но когда белогвардейцы, количеством значительно превышающим отряд Толмачева, пошли в атаку и не было никакой надежды отразить их, тов. Толмачев, не желая сдаваться, последним выстрелом из револьвера покончил с собой.

На теле тов. Толмачева на спине была замечена также штыковая рана. Белогвардейцы убитых красноармейцев, в том числе и тов. Толмачева, зарыли в общей могиле.

Проклятье палачам, слава павшим!

В Юмадыбашево привезли бежавшего из белогвардейского плена пулеметчика № полка Сухарева, взрубленного казаками под д. Тавларево. Раненый в бою, при отступлении полка, Сухарев остался с несколькими товарищами на поле сражения. Подехавшим разездом казаков, разденным их до гола, они, беспомощные, раненые белогвардейскими зверями—казаками в присутствии культурного палача офицера были добиты. Названный пулеметчик Сухарев не имея оружия, от непоимых сабельных ударов защищался протянутыми руками, благодаря чему, получил порезы кистей, рук и локтя. Казаки, видя бесполезность своих сабель, привяли за пик, которыми нанесли удар в голову. После первого удара в голову, тов. Сухарев притворился мертвым, тем не менее казаки нанесли вторичный удар и уехали. Окровавленный, истекающий кровью, пулеметчик добрался до д. Гавларово, где и скрылся сутки у бедняка башкира. С наступлением темноты он добрался до д. Юмадыбашево.

Четыре граченка.

Революционный комитет, станции Уст-Хоперской был внезапно захвачен 204 Сердобским полком, который изменил революции и перебежал на сторону воставших банд. Они окружили Ревком, оцепили и никого не выпустили. Были арестованы: три коммуниста: Меркулов, Серебров, Буланцев и председатель Ревкома Грачев, которые в то время находи-

лись в станции Уст-Хоперской. Все арестованные были посажены в одну комнату, над ними стали издеваться, устраивая жестокие расправы. Товарищи спокойно переносили все страдания: ни один не просил пощады—помилования у гадов, ни одного стона не издали они, подбадривая друг друга.

Наоборот, осыпая негодием упреками, они заявляли:

„Вам не выбить ничем из нас наших идейных убеждений“.

Так, приходит белогвардеец Смирнов, командир 1-го батальона Сердобского полка, в пьяном виде, два часа бьет нагайкой по лицу тов. Меркулова, заставляя, его просить о помилвании, но тов. Меркулов несколько раз плюнул в лицо и сказал:

„Ты негодий, подлец, обвиняешь меня, что я много расстрелял, но я не отказываюсь—только душевно сожалею, что ты, подлец, не понал ко мне на мушку“.

Расвирепешивший негодий еще больше стал издеваться над ним, но Меркулов переносил все побои, не отвечая ни на какие вопросы. Постигла такая же участь тов. Сереброва, Грачева и Буланцева, которых тоже стал избивать нагайкой, бил и приговаривал:

„Вы отняли у меня землю, вы отобрали у меня землю, вы отобрали у меня два имени“.

При допросе Сереброва, последний вел себя как подобает коммунисту. На вопрос предателя Вороновского, обращенный к тов. Сереброву, „вы коммунист?“ тов. Серебров отвечает: „Да, я идейный коммунист“. Тов. Грачев ответил Вороновскому: „Я старый, идейный коммунист, воспитывался коммунизму в шахтах, и выбить из меня мои убеждения может только одна смерть. Если бы вы даровали мне жизнь с условием оставить мои убеждения, я бы отказался, и только пулей можете заставить замолчать меня. Но не забудьте подлецы-предатели, что у меня, где-то там, в Воронежской губ., остались 4 граченка, моих малолетних сыновей, которые, узнав о моей мученической смерти, жестоко и страшно отомстят за меня. Они также пойдут той дорогой к светлому будущему, по которой многие годы, борясь с насильем и злом, шел я!“

Негодия долго мучили и издевались над т. Грачевым и его товарищами, а затем все пятеро были расстреляны.

Уральцам.

Как львы вы ринулись к Уралу,
Где черный ворон гнезда вил.
Из строя выбыло не мало
У вас отважных юных сил.
Но вы, храня завет великий,
Порабощенных слыша зов,

Вперед, к вершинам огненным,
Под шум разросших лесов,
Идете смело безудержно...
Уж песни зарежьих знамен
Седой Урал шумит мятежно...
Он будет вновь освобожден.

Гр. Санников

Мировая революция.

Если кто спрашивает сейчас: когда же начнется революция за границей? так мы ему ответим, что это вопрос правдивый и никчемный. Почему? А потому, что революция там уже началась.

Об этом мы говорили в прошлом номере „Красноармейца“, поговорим и в этом. Русским крестьянам и рабочим обязательно нужно знать, что творится в других странах. А особенно должны об этом знать вы, товарищи красноармейцы.

Вы тоже рабочие и крестьяне. Но вы сейчас не землю пахаете и не стоите у фабричного станка: не плуг и не стамеска, а винтовка—ваше оружие; война—ваш труд теперь.

И потому вам прежде всего надлежит знать две вещи: во-первых, за что вы воюете? Ну, про это частенько говорим: воюете вы за землю, за заводы, за все богатства, за власть для крестьян и рабочих.

А другой вопрос: до каких пор воевать будем? Мы отвечаем: до революции за границей,—не до начала ее, а до ее победы. То есть до того часа, когда и за границей власть авоюют трудящиеся.

Когда же это будет? Мы уже говорили вам, что революция там происходит. Значит, нечего спрашивать—когда там начнется революция, а спросим так: когда же за границей революция победит?

Точно на этот вопрос ответить нельзя. Мы не пророки. Но смело заявляем, что это—дело не годов, а месяцев.

Даром, без борьбы, победа не дается. Помните, сколько времени в России бороться пришлось до октября? Если считать с февральской революцией, так и то целых восемь месяцев. Счастье пужно завоевать.

Всюду за границей—по всей Европе—идут волнения, забастовки.

У немцев, в Германии, бастуют: железнодорожники, деревообделочники, грузчики, металлисты, трамвайщики. Кроме того, бастуют служащие банков.

Затем, в двух больших городах—Гамбурге и Бромберге—восстание.

Австрия почти накануне революции. В столице ее—Вене уже начались схватки на улицах. Борьба между рабочими и буржуазией разгорается там все сильнее и сильнее.

В Швейцарии в 9-го июля забастовали все типографские рабочие. Все буржуазные газеты не выходят, а выходят одни только газеты рабочие.

В Финляндии, как в Германии, бастуют деревообделочники и грузчики. Это для нас очень хорошо, потому что как-раз Финская буржуазия с большой яростью велла поход на Петербург.

А теперь у нее в тылу жарко становится. Пожалуй, скоро придется ей отказаться от

мысли забрать Питер. Не до жиру, быть бы живу! Придется ей своих белоохранителей из-под Питера снять—им найдется, видно, работа у себя дома: своих собственных крестьян и рабочих подавлять.

А тут как-раз Красные войска от Петербурга напирать стали. Как бы финской белой своре не отутиться в красных клещах!

Но вот какая история. Из за-границы сообщают, что советники потребовали сейчас от Финляндии, чтобы она как можно сильнее налетела на Петербург. Обещают ей в награду всякие побрякки и выгоды.

Сами-то, милые наши друзья—советники, своих солдат слать на нас не могут. Почему? Да просто потому, что солдаты не пойдут. А с Советской Россией разделаться иностранной буржуазии ох как хочется.

Вот и приходится ей науськивать на нас разных финнов, поляков, помогают Колчаку с Деникиным.

Иностранные помещики и капиталисты торопятся. Им некогда, им не дает спать страх перед своими же рабочими и крестьянами. Вот и спешит заграничная буржуазия побороть российских крестьян и рабочих,—чтобы потом тотчас приняться за кровавую расправу у себя дома.

Вот тут и является вопрос: успеет ли она задавить нас, или заграничные наши товарищи раньше того перехватят ей голову?

А уж об этом судите сами. Послушайте только.

У французов бастуют горнорабочие и трамвайщики. Тамошние профессиональные союзы и рабочая (социалистическая) партия постановили бороться с буржуазией как следует. Французские рабочие требуют: чтобы сократили с бедноты налоги; чтобы перестали душить русскую и венгерскую советские республики; чтобы немедленно демобилизовали армию.

В Англии бастуют текстильщики. На одном английском военном корабле взбунтовались матросы.

Но самое сильное революционное движение идет в Италии. Там во многих городах происходит не только забастовки, а прямо идет стрельба, происходят вооруженные столкновения между рабочими и полицейскими.

И вот любопытное происшествие. Итальянское правительство снарядило пароход, под названием „Федора“, для отправки в Россию оружия—это царским генералам, против большевиков. Про это разузнали моряки и силою задержали пароход.

Теперь напоследок сообщаем вам, товарищи красноармейцы, самую хорошую и самую главную новость. Вы об ней может еще не читали в газетах.

Новость такая: на 20 и 21 июля рабочие английские, французские и итальянские назначили всеобщую забастовку. Забастовка эта назначена, главным образом, в знак недовольства против нападения на советскую Россию.

Что из нее выйдет, посмотрим. Может быть, на первый раз многого из этой забастовки и не получится.

Но это одно уже очень важно и очень хорошо, что она постановлена. Значит, заграничные наши товарищи спихнули с себя спячку.

Встают.

Вот, товарищи, откуда идет помощь. Вот откуда долго ждали мы красной помощи, — и вот дождался.

Сегодня мы сообщаем вам уже лучше по-

вести, чем в прошлом номере. В следующем, пятом, будет о чем — надемся рассказать еще подробнее.

Да, товарищи, помощь идет. А все-таки сидеть сложа руки да бакуши бить не годится. Деникин-то прет все. Он все равно как осенняя муха: погибать пора, а кусается больно.

Его нужно гнать и гнать. Но и Колчака оставлять в покое нельзя, — надо доканать, не то снова полезет.

Тяжело нам приходится: и голодно, и бое-товаря, трудно борьбу вести, — а нужно!

Недолго теперь уже воевать. Это мы не на ветер слова пускаем, а дело говорим: аграрницей победа рабочих и крестьян близится и близится быстро.

Нам нужно только продержаться.

Будем же крепче держаться и крепче бить врага. Победа близка.

Г. Бергман.

Почта Красноармейца.

Ответы.

Тов. Леонтьевой. Ваше письмо мы получили, а стихотворение — нет. Присылайте ваши стихи, рассказы, сообщения о жизни фронта и все материалы, какие соберете. Все это нам очень нужно.

Тов. Остапенко. Стихотворение ваше не пойдет: оно слабо написано; кроме того, вы неверно говорите о нашем тыле. В тылу не бездельничают, а работают и отсюда же все время шлет на фронт подкрепления. Наш рабочий тыл, как и наш фронт, с честью держит знамя революции. А отдельные грехи бывают как в тылу, так и на фронте.

Тов. Малькову. Вы спрашиваете, можно ли вступать в законный брак с политическими осужденными, и будет ли им прощено все то, что они сделали против Советской власти.

Вступать в брак с политическими осужденными Советская власть не возбраняет. Но брак преступника не освобождает его от наказания. Народный суд не знает протекции: на то он и народный суд.

Тов. Баринкову, Аскоме и Попову. Ваши стихотворения не можем поместить: они слабы. Стихи, товарищи, не легкая вещь. Их надо учиться писать. Поучитесь.

Тов. Кнушеву. В вашем стихотворении есть отдельные хорошие строчки, но целиком оно неудовлетворительно.

Тов. Трубицу. Вы пишете: На фронте Красная Армия страдает ужасно при неблагоприятных условиях боевой обстановки, — это все подрывает авторитет командного состава. Валкин говорит и он в праве: дай сапоги, иду в караул, давай шинель, я не хочу мерзнуть.

Тут судить трудно с нравственной точки зрения.

Людей в частях мало; приходится извиряться усиленными нарядами. А придя с поста, готовь всякий себе сам обед, ввиду неимения лошадей и кухни на всю роту. А если взглянешь на тыл, там видишь легонькие пролетки, в которых разезжают советские служащие. Там видишь шерошей в галифе и лакированных сапожках, тогда, когда я служу на фронте, мне не дают и белья смены. Что привнес из дому, заносил все. Вот так равенство и братство!

Наш ответ. Кое-что тут правильно, товарищи, но не все. Правильно указываете вы на то, что Красной Армии приходится нередко терпеть на фронте большую нужду во всем необходимом; ввиду этого часто бывает нераспорядительность командного состава и недостаточная внимательность к нуждам Красной Армии со стороны тех или других Советских учреждений. Но нельзя, как это делаете вы, винить за это гуртом весь тыл. По вашим словам выходит так, как будто в тылу у нас беспечальное райское житье. А между тем здесь многие рабочие и крестьяне ходят в рваных сапогах и донашивают последнее белье. Случается им и голодать, не получая хлеба по нескольку дней. Фронтяги и беззаботно живут сейчас только единицы, по большей части бывшие баре и саботажники, примазавшиеся к Советской службе. В свое время Советская власть сократит их всех, а теперь некогда ей с каждым в отдельности возиться: слишком много у нее сейчас более важных дел. Лучшие силы наши сейчас отведены на фронт, и понятно, что в тылу не хватает глаз и рук, чтобы уследить за каждым саботажником и устранить все неполадки.

Про Колчака.

Подходи, ребята, разом,
Распотешу вас рассказом,
Пусть теперь узнает всяк,
Что за птица есть Колчак.

Был он с малых лет удалым,
При царе стал адмиралом,
Саблю длинную носил
И солдат по морде бил.

Дружбу вел он и с князьями,
И с полками, и с шпиками
И была ему дана
Власть, а с властью ордена.

Но назад тому два года
Громои грянула свобода,
И увидев красный флаг,
Перекарился Колчак.

Снял какарду, снял погоны,
Пред солдатом бьет поклоны:
„Я, мол, прежде был Федот,
А теперь уж я не тот.“

Егозит как кот над салом:
„Не хочу быть адмиралом,
От свободы я размяк—
Стал „товарищем“ Калчак.“

И поверили солдаты,
Стал смекать Колчак тогда-то,
Что нелузно было-б власть
Из народных рук украть.

В это время „учредилку“
Порешили по затылку
И Колчак тотчас удрал
С белой шайкой на Урал.

Там он стал твердить народу:
„Мы, мол, братцы за свободу,
Вы же знайте напрямик:
Главный враг ваш—большевик.“

Воля, мол, без „учредилки“
Как мясной обед без вилки.
Так давайте воевать,
„Учредилку“ защищать.

Тяж-то... Дурни доверяют,
Адмирал полки собирает,
А лишь только ночь придет—
Потихоньку письма шлет...

И к Вильсону, и к французу,—
Всех врагов зовет к союзу,
По секрету говоря,
Что посадит вновь царя.

Кулаки в присядку кружат,
А попы молебны служат.
Поп доволен, рад кулак—
Всех обрадовал Колчак.

Ждут, что вновь наступят годы
Царской, рабской злой невожды,
Ждут, что снова кулаком
Будут править бедняком...

Ждут попы, в мечтах застыли...
Об одном лишь позабыли,—
Позабыли, что народ
Поумнел за этот год.

Позабыли пуствозвоны,
Что под красные знамена
Собираются полки,
Пулеметы и штыки.

Трубят трубы боевые,
Вся Советская Россия:
Волга, Кама и Ока,
Все идут на Колчака.

Берегитесь-же, ребята,
И храните волю свято
От попа и кулака,
От злодея Колчака...

П. Зуев.

Публикация

автоматом
Башкин

..НЕ СТАЯ ВОРОНОВ СЛЕТАЛАСЯ?

Не стая воронов слеталась
 На груди тлеющих костей:—
 Здесь под защитой генерала
 Сдружились поп и богатей

Летят, наморщив злобно брови
 Несут оковы и кнуты...
 Долой их! Попили уже крови!..
 Настало царство бедноты!

..ПО, ТАЩИСЯ, СИКА!..
 (Державский мим)

ИЛИ СМЕРТЬ ПОД ПЯТОЮ КАПИТАЛА!

Не теряй, рабочий, духа,
Вырви у богатых жало!..
Наступи ногой на брюхо
Кровопийцы капитала.
Мощь рабочая не глохнет,
Не страшится силы царской...
И богач—паук подохнет
Под ногою пролетарской!..

ИЛИ СМЕРТЬ КАПИТАЛУ.

Если-ж ты в разгаре боя
От борьбы уйдешь побея—
Ты погибнешь под ногою
Кровопийцы богатея.
Собери-ж рабочий силу
В сокрушающем ударе
И готовь врагам могилу
Грозный воин—пролетарий.

п. 3

Цена 5 руб.

Издатель:

Литер.-Изд. Отд. Полит. Управл. Реввоен. Сов. Республики.

Редактор:

Редакционная Коллегия.

Для тип.-литогр. Полиграфического Отдела Моск. Гор. Сов. Нар. Хоз. Москва, Хавановские, 20, Телефон: 51-21 и 42-86.